

The paper analyses claim-rights and legal remedies in their mutual relationship. A special emphasis has been made on the continental private law theory, especially, German civil and procedural law doctrine of rights and remedies.

Keywords: claim-right; legal remedy; subjective right.

Вопрос о соотношении субъективного частного права и права на его защиту особенно интересен применительно к правам на чужое поведение. Среди других типов субъективных частных прав права на чужое поведение отличаются особой структурой, которая делает их более уязвимыми и поэтому требует обеспечить надежными механизмами юрисдикционной защиты.

Другие типы субъективных частных прав, например права на собственное поведение, права господства как их наиболее яркое проявление или секундарные (преобразовательные) права, предполагают, что интерес управомоченного реализуется прежде всего и главным образом его собственными действиями, возможность совершения которых и составляет содержание соответствующих правовых возможностей. Защита, особенно юрисдикционная защита, таких прав важна, но все же вторична по отношению к предоставленной управомоченному возможности собственного поведения.

Совершенно иначе обстоит дело с правами на чужое поведение. В данном случае интерес управомоченного может быть реализован при помощи поведения должника и зависит от активности последнего. Роль же собственной активности кредитора невелика, а главное, у него отсутствуют эффективные возможности своими действиями обеспечить беспрепятственную реализацию принадлежащего ему права. По этой причине связь между правом требования управомоченного и средствами его юрисдикционной защиты в случае прав на чужое поведение гораздо теснее, чем это имеет место относительно других разновидностей субъективных частных прав. В известном смысле возможности, предоставляемые субъекту права на чужое поведение посредством судебной защиты, компенсируют изначальную пассивность, отсутствие активных возможностей, которые характеризуют правовое положение носителя права на чужое поведение.

Более того, именно инициатива и диапозитивный характер предоставленного права на судебную защиту могут рассматриваться как проявления активного статуса кредитора, которые необходимо должны иметь место, когда речь идет о субъективном праве в техническом смысле слова.

Эта точка зрения имеет в теоретической литературе ряд авторитетных сторонников, среди которых нужно прежде всего назвать имена Августа Тона¹

¹ Thon A. Rechtsnorm und subjektives Recht: Untersuchungen zur Allgemeinen Rechtslehre. Weimar: Böhlau, 1878.

и Ганса Кельзена¹. Они исходят из того, что именно возможность обратиться за защитой нарушенного права в суд, т.е. добиться принудительного осуществления обязанности должника, есть то, что превращает объективную юридическую обязанность должника в субъективную и делает ее коррелятом субъективного права. В самом деле, то, будет ли обязанность фактически исполнена, если должник отказывается ее исполнить добровольно, зависит от того, обратится кредитор за защитой нарушенного права в суд или нет. Последнее решение зависит исключительно от его усмотрения, и кредитор не обязан его принимать. Следовательно, будет обязанность стандартом поведения для должника или нет, в конечном счете зависит от суверенного решения кредитора.

В этом смысле нарушенная стадия развития соответствующего правоотношения даже более интересна, поскольку в ней более четко получают отражение диспозитивность и инициатива управомоченного, без которых субъективное право не может существовать. В самом деле, на донарушенной стадии кредитор не в состоянии активно повлиять на реализацию своего интереса, все или почти все зависит от поведения и активности должника, в то время как в случае нарушения обязанности должником активность управомоченного приобретает первостепенное значение, как это и характерно для всех других видов субъективных частных прав. По этой причине интеграция права на защиту с правом на чужое поведение приобретает с теоретической точки зрения первостепенное значение, поскольку именно эта интеграция обеспечивает то, что право на чужое поведение приобретает характерные для субъективного права в техническом смысле слова черты.

Против рассматриваемой точки зрения в юридической литературе были высказаны некоторые возражения, которые можно резюмировать следующими основными тезисами: прежде всего утверждается, что право на судебную защиту имеет иного адресата, нежели право на чужое поведение². Если последнее направлено против обязанного субъекта, должника, то первое обращено к юрисдикционному органу. По этой причине необходимо отличать само материально-правовое (в случае прав на чужое поведение – чаще всего обязательственное правоотношение) от процессуального правоотношения, в рамках которого реализуется защита первого правоотношения. Это два различных правоотношения, которые не только отличаются друг от друга, но и относятся к разным подсистемам права: одно – к частному праву, а другое – к публичному³.

Второе обстоятельство, на которое обращали внимание критики права на защиту как элемента содержания защищаемого права, состоит в том, что в случае

¹ Kelsen H. *Reine Rechtslehre*. Leipzig; Wien: Franz Deuticke, 1934.

² Buchheim J. *Actio, Anspruch, subjektives Recht: Eine aktionenrechtliche Rekonstruktion des Verwaltungsrechts*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2017. S. 103.

³ Schulev-Steindl E. *Subjektive Rechte: Eine rechtstheoretische und dogmatische Analyse am Beispiel des Verwaltungsrechts*. Wien; New York: Springer, 2008. S. 36–38.

с правом на защиту кредитор не совершает распорядительных действий путем обращения за судебной защитой. Характерный признак распорядительных действий заключается в способности управомоченного своими действиями породить изменения в чужой и своей правовой сфере. Однако этого не происходит при предъявлении иска в суд, поскольку изменение прав и обязанностей станет результатом не самого обращения в суд, а лишь судебного решения в том случае, если иск будет удовлетворен¹. По этой причине скорее правильнее сказать, что обращение за судебной защитой если и порождает какие-либо обязанности, то только обязанность суда рассмотреть дело и вынести решение. Но опять-таки это не обязанность должника перед кредитором².

Для того чтобы лучше понять существо и логику рассматриваемых аргументов, необходимо обратиться к истории их возникновения. Дело в том, что подобное представление, основанное на резком разграничении материального частного права и права на его принудительное осуществление (право на иск, право на защиту), в принципе характерно исключительно для германоязычных правовых культур. И определяется эта взаимная автономия некоторыми историческими и социокультурными обстоятельствами, в которых формировалась германская правовая теория и практика. Позже значительная часть вот этого «дискурса демаркации» (т.е. господствующая в германоязычной теории твердая убежденность в необходимости строго отделять сферу материального права и юрисдикционные формы его принудительного осуществления друг от друга) перекочевала в отечественную правовую традицию. Идея была перенесена в отечественный правовой контекст главным образом усилиями процессуалистов как раз в ту эпоху, когда влияние германской юридической теории на отечественную было максимальным. Цивилисты – и тогда, и сейчас – реагируют на «дискурс демаркации» значительно сдержаннее.

При этом сама германская теория оказалась воспринята не полностью, а частично и фрагментарно. Связано это с двумя причинами. Во-первых, активный процесс рецепции германской юридической теории носил весьма интенсивный, но очень непродолжительный характер, поскольку был насильственно прерван установлением коммунистической диктатуры, относившейся к праву и правовой теории нигилистически. Во-вторых, германская теория сама находилась в процессе эволюции, и ее состояние «до 1917 г.» было лишь промежуточным этапом, после которого она развивалась дальше, но это развитие уже не «регистрировалось» отечественными теоретиками по вполне понятным причинам.

Несколько упрощая, можно сказать, что российская рецепция дискуссий, связанных с правом на иск и правом на защиту, зафиксировалась на уровне взглядов Конрада Хелльвига, признанного германского процессуалиста, известного,

¹ Schulev-Steindl E. Op. cit.

² Ibidem.

среди прочего, своей монографией «Притязание и право на иск» (*«Anspruch und Klagerecht»*)¹. Указанная работа Хелльвига является, по всей вероятности, наиболее часто цитируемой германской монографией по рассматриваемому вопросу в отечественной доктрине.

Все вышесказанное заставляет обратиться к более обстоятельному анализу германской дискуссии по проблеме соотношения материального частного права и права на защиту. Необходимо сделать ряд предварительных замечаний терминологического характера. Строго говоря, термины «право на иск» и «право на защиту» не являются равнозначными. Само появление последнего понятия, как будет показано в дальнейшем, явилось специфическим ответом части теоретиков на некоторые проблемы описания взаимосвязи материального частного права и его принудительного осуществления. Более того, и само понятие «право на иск» многозначно, употребляется как в материально-правовом, так и в процессуальном смысле.

Проблема заключается в том, что выбор в пользу одного из этих терминов в его определенном значении сразу же имеет последствия с точки зрения принятия некоторых теоретических постулатов, которые разделяет одна часть доктрины и резко отвергает другая ее часть. Например, употребление термина «право на защиту», как будет еще показано ниже, влечет за собой необходимость принятия целого ряда посылок, связанных с определенным взглядом сторонников концепции «права на защиту» на соотношение материального частного права и гражданского процесса.

В подобных условиях очень сложно на уровне терминологии удержаться в рамках нейтрального языка описания, при помощи которого можно было бы просто описывать проблемы и альтернативные варианты их решения. Проблема состоит в том, что выбор термина сильно влияет на объективность описания. По этой причине нам придется изначально сделать важную оговорку. Довольно часто мы будем употреблять спорные термины через запятую, один после другого. Тем самым предпринимается попытка уйти от различий, свойственных альтернативным теориям, концентрируясь на описании фактов и проблем.

Развитие учения о праве на иск и праве на защиту в германоязычной доктрине можно с изрядной долей условности и упрощения разделить на несколько этапов. Это последовательное рассмотрение, к которому мы переходим, поможет реконструировать логику постановки и решения проблем соотношения материального частного права и гражданского процесса, юрисдикционной формы защиты частных прав.

Первый этап развития анализируемой проблемы связан с именами основателя современной германской цивилистической теории Фридриха Карла фон

¹ Hellwig K. *Anspruch und Klagerecht: Beiträge zum bürgerlichen und zum Prozessrecht*. Jena: Gustav Fischer, 1900.

Савиньи и самого известного представителя пандектистики, зрелой и наиболее известной формы этой теории Бернхарда Виндшайда.

Савиньи, в отличие от своих предшественников, действовал в новой научной реальности, на формирование которой он сам и оказал решающее влияние. С некоторой долей условности можно сказать, что именно со времен Савиньи представление о частном праве как системе частных прав, правоотношений стало господствующим¹. Естественно, что новый теоретический статус понятия субъективного права в рамках цивилистики потребовал согласования его с другими ключевыми понятиями, в том числе и определения соотношения материального частного права и его принудительных судебных способов осуществления.

При этом необходимо иметь в виду по крайней мере два важных обстоятельства. Первый момент заключается в том, *как, каким образом* понятие субъективного частного права понималось в рамках новой парадигмы науки частного права XIX в. Субъективное частное право мыслилось как *господство воли* управомоченного². Второй момент является еще более значимым. Дело в том, что вся система частного права мыслится как система субъективных частных прав. Иными словами, первична не норма права, акт суверена, а система взаимных отношений индивидуальных волей в их связи друг с другом. При этом категория субъективного права носит системообразующий характер, пронизывает буквально всю область частного права, и не просто пронизывает, а организует все предметное поле регулирования частноправовых отношений. Самым очевидным проявлением этого является, например, то, как организованы структуры норм частного права. Нормы распределены по институтам частного права, а институты классифицируются по типам субъективных частных прав, в конечном счете, если использовать историческую терминологию, по типам *господства воли над различными объектами прав* со стороны управомоченного.

Иначе говоря, типы и разновидности субъективных частных прав, типы и виды господства воли управомоченного субъекта определяют базовые структуры частноправового регулирования. Это делает категорию субъективного частного права способом организации норм и институтов частного права. В известной степе-

¹ Вопрос о том, с какого момента можно говорить о появлении в цивилистической доктрине полноценного понятия субъективного права как догматической категории, является дискуссионным. См., например: Fezer K.-H. Teilhabe und Verantwortung: Die personale Funktionsweise des subjektiven Privatrechts. München: C.H. Beck, 1986. Однако одно очевидно: *господствующим* дискурсом догматическая фигура субъективного права могла стать лишь после Канта, т.е. как раз в эпоху Савиньи. См.: Coing H. Zur Geschichte des Begriffs «subjektives Rechts» / Coing H., Lawson F.H., Grönfors K. Das subjektive Recht und der Rechtsschutz der Persönlichkeit. Frankfurt am Main: Wolfgang Metzner, 1959. S. 7–23.

² Hofer S. Freiheit ohne Grenzen?: Privatrechtstheoretische Diskussion im 19. Jahrhundert. Tübingen: Mohr Siebeck, 2001. S. 206; Haferkamp H.-P. Die Bedeutung der Willensfreiheit für die Historische Rechtsschule / Lampe E.-J., Pauen M., Roth G. (Hrsg.). Willensfreiheit und rechtliche Ordnung. Berlin: Suhrkamp, 2008.

ни все частное право в объективном смысле становится способом обеспечения господства воли управомоченного субъекта в различных его вариантах.

Однако возникает одна существенная проблема: как такое представление о господстве воли в частном праве согласуется с идеей обеспечения, защиты и принудительного осуществления частных прав, которые являются задачей государственного судебного механизма защиты?

Именно эту задачу и начал решать Савиньи. Идея основателя исторической школы права заключалась в том, чтобы обнаружить элементы автономии воли и диспозитивности не только на нормальной стадии развития гражданского правоотношения, но и на «патологической» стадии его эволюции, после факта нарушения субъективных прав и неисполнения юридических обязанностей. По мысли Савиньи, вследствие нарушения субъективное частное право преобразуется в «право в боевом состоянии» (*das Kampfsrecht*)¹. Например, обязанность воздерживаться от нарушения чужого права собственности после факта незаконного завладения чужой вещью преобразуется в обязанность вернуть вещь собственнику, а право собственника требовать от других лиц воздерживаться от нарушения права собственности преобразуется в виндикационное притязание. С рассматриваемой точки зрения виндикационное притязание и представляет собой право собственности, но в его «боевом состоянии», преобразованное вследствие факта нарушения.

В основе рассматриваемой теоретической конструкции лежит несколько базовых постулатов. Во-первых, сам факт нарушения чужого субъективного права не способен привести к изменению правовых отношений субъектов, в отличие от их фактических отношений. Другими словами, право не исчезает и не способно прекратиться вследствие факта его нарушения. Нарушение представляет собой вопрос факта, а право относится к сфере нормативных явлений, на которые факты если и воздействуют, то лишь опосредованно. Прекратиться или видоизмениться право может только из нормативных оснований. Например, факт нарушения абсолютного запрета, направленного на защиту права собственности, не влечет прекращения действия этого запрета, а приводит к возникновению у нарушителя самостоятельной обязанности устранить нарушения. Характер обязанности (вернуть вещь собственнику или возместить убытки) определяется характером нарушения. Эта «новая» обязанность, возникшая вследствие нарушения, и представляет собой проявление феномена «права в боевом состоянии».

Во-вторых, Савиньи трактовал «право в боевом состоянии» не как абсолютно новую юридическую обязанность, основанием возникновения которой является исключительно факт правонарушения, а как превращенную форму нарушенной

¹ Savigny F.C. von. System des heutigen römischen Rechts. Bd. 5. Berlin: Veit, 1841. См. также: Гурвич М.А. Право на иск. М.: Изд-во АН СССР, 1949; Крашенинников Е.А. К теории права на иск. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1995.

обязанности (и корреспондирующего ей субъективного частного права), которая не прекратилась, а просто трансформировалась под влиянием факта нарушения.

Следствием этой идеи трансформации субъективного права, видоизменения формы его проявления при сохранении его существа явилась возможность рассматривать сферу защиты субъективных частных прав, в том числе и принудительного их осуществления при помощи юрисдикционных способов защиты, как проявление принципа автономии воли. В самом деле, если субъективное право на нарушенной стадии представляет собой то же самое субъективное право, только видоизмененное вследствие факта его нарушения, то принципы автономии воли и диспозитивности можно рассматривать как основу эволюции соответствующих гражданских правоотношений на их нарушенной стадии, не только до факта нарушения, но и после такового.

Это в свою очередь позволяет в известной степени «маргинализировать» собственно юрисдикционный компонент защиты частных прав за счет акцентирования его частноправового автономного компонента. При подобной интерпретации юрисдикционная форма защиты может рассматриваться исключительно как своеобразный модус осуществления частных прав. Подобно тому, как самозащита гражданских прав или иные неюрисдикционные меры защиты частных прав, применяемые односторонними действиями субъектов частного права, представляют собой проявление принципа автономии воли и направлены на обеспечение реализации интереса управомоченного, так же и юрисдикционные меры защиты частного права фиксируют проявление частной инициативы, направленной на реализацию интереса управомоченного в особых условиях (после факта нарушения и в юрисдикционной форме).

Иными словами, основное в юрисдикционной стадии защиты частных прав составляет то, что это форма принудительного осуществления *частных прав*, а не то, что это *принудительная и процессуальная* форма осуществления частных прав. Рискую упростить ситуацию, для лучшего понимания рассматриваемой точки зрения можно предложить аналогию между юрисдикционными способами осуществления частного права и залоговым правоотношением. Залог, будучи частноправовым инструментом, направлен на создание дополнительных гарантий интереса кредитора. Именно реализации той же цели подчинены и задачи юрисдикционной формы осуществления частных прав. Действительно, в рамках юрисдикционной формы осуществления частных права применяется государственное принуждение, но это принуждение носит инструментальный характер применительно к воле субъекта нарушенного права, поскольку направлено на реализацию его частного интереса и зависит от его усмотрения. В этом смысле речь идет лишь об особой форме осуществления частного права.

Рассматриваемая точка зрения получила дальнейшее развитие в трудах Виндшайда. Виндшайд сконцентрировался на анализе различий между римским и современным частным правом в вопросе о соотношении материального част-

ного права и его принудительного осуществления посредством юрисдикционного механизма¹. Римское право, по мнению германского цивилиста, вообще было сфокусировано исключительно на юрисдикционном механизме защиты прав, а не на правовом регулировании на «донарушенной» стадии. Ключевым фактором был сам процесс, из которого и становился понятным характер материально-правовых отношений субъектов частного права. По этой причине римское понятие «*actio*» нельзя отождествлять с современным понятием иска как обращения в суд о защите права. Это гораздо более сложное понятие, в котором основное значение имеет материально-правовой компонент.

Поскольку для римского права именно решение претора предопределяло характер материального права, то и специальное средство (*actio*), при помощи которого деятельность претора (а потом и судьи) активировалась, не могло не обладать материально-правовым компонентом. В современном праве, однако, ситуация радикальным образом изменилась. Теперь основой деятельности суда на юрисдикционной стадии осуществления права является позитивное право, судьи применяют объективно существующие нормы права, стадии существования и защиты права окончательно отделились друг от друга.

По этой причине, полагает Виндшайд, то, что в римском праве фиксировалось термином «*actio*», в современных условиях правильнее передавать термином «притязание» (*das Anspruch*). Если в римском праве материальное право и его юрисдикционные формы оказались слиты воедино, что и фиксировалось понятием «*actio*», в котором требование к должнику и к юрисдикционному органу слабо различались, то в современном праве ситуация меняется. Право мыслится как существующее до и независимо от процесса. Поэтому отношения кредитора и должника и отношения того же кредитора и юрисдикционного органа по защите против должника также разграничиваются. Виндшайда интересует исключительно материально-правовой компонент этого сюжета. Именно его он и передает с помощью понятия притязания. Притязание в этом смысле означает возможность управомоченного требовать определенного поведения. В понятии притязания хорошо отражается тот же компонент инициативы и самостоятельности управомоченного, который уже отмечался у Савиньи. Первичным и основным является «господство воли» управомоченного субъекта. Это господство получает различные формы выражения на различных этапах эволюции соответствующего правоотношения. Своеобразным общим знаменателем для всех этих этапов является право требовать от обязанного лица исполнения своей обязанности. Это право существует как на «донарушенной», так и на нарушенной стадии развития правоотношения, приобретая только различные формы. Таким образом, понятие притязания стало юридико-техническим выражением единства понятия субъективного права как «господства воли».

¹ Windscheid B. Die Actio des römischen Civilrechts, vom Standpunkte des heutigen Rechts. Düsseldorf: Buddeus, 1856.

Как ни парадоксально это может прозвучать, но понятие притязания в том смысле, который ему придал Виндшайд, создало предпосылки для разделения материально-правовой и процессуальной перспектив исследования защиты права. Именно Виндшайд убедительно продемонстрировал, что римская постановка вопроса, в рамках которой материально-правовой и процессуальный элемент слиты воедино до степени неразличимости, объясняется исключительно историческими и институциональными условиями римского права и не имеет отношения к современным системам права. Поскольку понятие притязания у Виндшайда имеет прежде всего материально-правовую основу, то сам акцент исключительно на материальном праве создает перспективу развития автономного учения о праве на иск в процессуальном смысле. Ведь если отныне материально-правовые и процессуальные элементы не интегрируются в рамках единой теоретической конструкции, то, вероятно, должна появиться отдельная теоретическая конструкция процессуального элемента права на защиту, подобно тому, как появилась его материально-правовая «инкарнация», понятие притязания.

Слабой стороной теоретической конструкции Савиньи и Виндшайда было как раз игнорирование процессуально-правовой части проблемы. Если элемент господства воли управомоченного оказался весьма неплохо интегрированным в рамках рассматриваемой теории, то элемент взаимоотношений с судом вообще не получил в ней сколько-нибудь серьезной разработки. Первым на это обстоятельство обратил внимание Теодор Мутер. Мутер полагал, что римское *actio*, которое Виндшайд считал эквивалентом современного понятия притязания в контексте римской системы исков, на самом деле фиксирует право истца на действие претора (выдачу формулы) и назначение судьбы¹. И действительно, в рамках сугубо материально-правовой концепции *actio* не получил никакого теоретического описания процессуальный его компонент, фиксирующий взаимоотношения истца и юрисдикции. Соответственно, была создана предпосылка для теоретического разграничения частноправовых отношений между сторонами материального правоотношения и процессуальных отношений по защите материального права между субъектом нарушенного или оспариваемого права и государством.

Мутер полагал, что притязание истца в данном случае направлено не к должнику, а к суду². Логика рассуждения германского процессуалиста сводилась в основном к следующему: как уже отмечалось, сам по себе факт нарушения чужого субъективного права фактическими действиями другого лица не отражается и не должен отражаться на нормативном положении вещей. Другими словами, субъективное право как существовало до факта нарушения, так и про-

¹ Muther T. Zur Lehre von der römischen Actio, dem heutigen Klagerecht, der Litiscontestation und der Singularsuccession in Obligationen. Eine Kritik des Windscheid'schen Buches, «Die Actio des römischen Civilrechts, vom Standpunkte des heutigen Rechts». Erlangen: Deichert, 1857. S. 35.

² Ibid. S. 39.

должает существовать. По мнению Мутера, вследствие нарушения меняется правовое положение управомоченного не столько в отношении обязанного, сколько в отношении публичной власти как гаранта защиты прав¹. С сугубо материально-правовой точки зрения притязание как было требованием к должнику до факта нарушения, так и осталось таковым после нарушения. Даже если материально-правовое притязание модифицировалось, изменилось по содержанию вследствие факта нарушения (например, право на действие трансформировалось в право на возмещение убытков), в *структурном отношении* никаких изменений ровным счетом не произошло. Право на действие, как и право на возмещение убытков – это права на чужое поведение, что предполагает основной акцент на деятельности должника. Удовлетворение интереса практически целиком зависит от активности должника. И в этом смысле не имеет значения, что право на действие одного содержания (например, право на передачу вещи) вследствие нарушения трансформировалось в право на действие другого содержания (например, право на возмещение стоимости вещи, подлежавшей передаче). Положение кредитора нисколько не упрочилось или не изменилось вследствие этого факта. Мутер иронизировал по этому поводу: одно «бессилие» (*die Ohnmacht*) сменилось на другое «бессилие»^{2,3}. Значит, полагает Мутер, упрочение позиции управомоченного следует искать не в отношении к обязанному, а в отношении к гаранту защиты прав. Именно публичная власть, обеспечивая принудительную защиту нарушенного права, превращает *die Ohnmacht* в *die Macht*.

Эти интересные рассуждения позволили начать реструктуризацию всего проблемного поля, в рамках которого шло обсуждение вопроса о соотношении субъективного частного права и процессуальной формы его реализации. Ключевым изменением правовой позиции кредитора после нарушения его права отныне могло считаться не появление у него новых правовых возможностей в отношении неисправного должника, а опосредованно, через возможность требовать от публичной власти приведения в действие государственно-принудительного механизма защиты нарушенного права. Это позволило перенести внимание с анали-

¹ Muther T. Op. cit. S. 42.

² Ibidem.

³ Тут необходимо сделать некоторый комментарий. Рудольф Зом именовал право на чужое поведение «бессилием». Этим он хотел продемонстрировать структурное отличие притязания от других видов субъективных частных прав – прав господства и преобразовательных (секундарных) прав. Последние предполагают удовлетворение интереса управомоченного в основном и главным образом с помощью его собственного поведения (фактического или юридического). В случае же с притязаниями управомоченный бессилен в том смысле, что от его собственной активности ничего или почти ничего не зависит. Именно по этой причине, как полагал Зом, притязания не следует квалифицировать как «господство воли», напротив, именно этого господства в данном случае нет: *die Ohnmacht* – это буквально «ohne Macht», т.е. «без власти», «без господства». См.: Sohm R. Der Begriff des Forderungsrechts // Zeitschrift für das Privat- und Öffentliche Recht der Gegenwart. 1877. Bd. 4. S. 457–474.